

И СНОВА ОСТРОВСКИЙ, ЩЕЛЫКОВО...

Вот и в Щелыково скоро придет осень... Задумчиво смотрит с пьедестала памятник хозяин этого волшебного уголка земли на свой дом, где в эти дни ходит на цыпочках тишина. Дом, ставший мемориальным музеем, все равно и теперь там, внутри, все сделано так, как было некогда при хозяине... И всякий раз, когда я, волнуясь, открываю дверь в прихожую, когда медленно иду по комнатам, то всегда словно чувствую присутствие Александра Николаевича, все мнится, что еще утром, взяв удочки, он ушел на берег Меры или Кукчи и скоро вернется...

Здесь, в Щелыкове, познакомился я с московским художником Кропивницким. Он приехал в Щелыково, чтобы оформить мемориально-литературную экспозицию в доме Островского. Такая работа над мемориальными экспозициями — дело архисложное, тонкое и в высшей степени творческое. Я это хорошо узнал, когда слушал рассказы Кропивницкого, а теперь в этом могут убедиться все, кто побывает в Щелыкове. В полной мере можно оценить уникальный труд художника и побывав в музеях Пушкина в Москве, Толстого в Ясной Поляне, художника Тропинина в Москве.

— Если бы Островский не был мне близок, я бы не смог создать экспозицию, — говорит Лев Евгеньевич. — Я считаю, что нужно понять и почувствовать того человека, о котором что-то создаешь. По-

нять по-настоящему, не по школьной программе, а как оно ощущается душой и сердцем. Работа над экспозицией протекает по установленным, что ли, рецептам: сначала пишется тематическо-экспозиционный план, потом он изучается, как и весь материал. Эта стадия

ского края... — Лев Евгеньевич ненадолго замолкает, в который раз пристально вглядывается во все эти бесценные сокровища. — И надо сказать, что и сам как бы приближаешься к той эпохе, входяшь в нее, причем видишь ее уже глазами современников. Ос-

натура! Вот теперь я уже много лет занимаюсь оформительской работой: это и создание выставок, музейных экспозиций, плакатов. К музеям отношусь с особой симпатией. Вот отсюда поеду в Киев, где буду оформлять музей Тараса Григорьевича Шевченко... Украи-

ра, начиная с Луки Краноха, Брейгеля, Рембрандта, Калло, голландцев, итальянцев. И так — через весь восемнадцатый век, кончая XIX—XX веками — художниками фори-стами-экспрессионистами. Есть большой раздел русской гравюры — на всем протяжении ее истории, и она у меня представлена в самых лучших образцах, в прекрасных отпечатках...

— И еще у меня... — и Лев Евгеньевич сделал паузу, а я подумал: неужели еще коллекция? — Да, — словно угадал он мысль мою, — еще очень редкая в частных руках коллекция плакатов 18—19—20-х годов. Мне досталось сразу около ста плакатов из собрания поэта Сергея Городецкого, и с этого началось. Есть у меня плакаты Маяковского, Мсора и других мастеров. Есть довольно большая подборка плакатов, которые Сергей Городецкий собрал в Баку в годы гражданской войны. Они нигде не сохранились — их нет в Азербайджане, нет их в Ленинской библиотеке... И вот, когда в столице бываю выставки революционного плаката, то большая часть экспонируется из моего собрания...

...А в Щелыкове осень. Люди едут сюда со всех концов страны для встречи с Островским. И каждый, кто побывает в доме драматурга, обязательно обратит внимание на любовно и талантливо оформленную мемориально-литературную экспозицию.

Когда вы будете там, то вспомните, что сделал ее художник Лев Евгеньевич Кропивницкий.

А. ПРЖИАЛКОВСКИЙ.
Кострома — Щелыково.

УНИКАЛЬНЫЙ ТРУД

Встречи с интересными людьми

отнимает много времени и внутренних сил... Потом идет работа чисто художественная по проектированию — над всем тем, что мы должны увидеть на стенах и показать всем, как это будет выглядеть. Поэтому работа проектная, возможно, самая ответственная...

Мы поднялись по слегка скрипящей лестнице на второй этаж дома, где в течение нескольких месяцев работал Лев Евгеньевич со своими помощниками. Я внимательно слушал рассказ художника.

— Вот здесь расположена мемориально-литературная экспозиция, в которой прослеживается вся человеческая и творческая биография Александра Николаевича, которая передана целиком на прижизненном материале. Это старые фотоснимки самого драматурга, его современников, с кем он общался, с кем дружил, работал. И, конечно, старые литографий с видами Москвы, Щелыкова и сказочных его окрестностей и всего приволж-

тровского, и дистанция времени вдруг исчезает...

...Здесь, на втором этаже дома Островского, тишина. Но вот мы выходим на крыльцо и сразу замираем. В парке слышен такой звонкий пересвист певчих птиц, что я включаю магнитофон: такое надо сохранить на пленке. Потом мы идем к мостику, что перекинут через глубокий овраг, а птичье песенное буйство не затихает, преследует нас. И под этот аккомпанемент Лев Евгеньевич продолжает рассказ. На этот раз о себе.

— В искусстве я работал в самых разных областях. Начиная с живописи и графики. Они мне сопутствовали всегда, чем бы я ни занимался еще, а занимался я многими видами: тут и станковая живопись, и графика, и гравюра, и дизайн, театральные декорации, книжная графика... Не улыбайтесь, пожалуйста, — сказал строго и тут же сам усмехнулся мой собеседник. — Такова

на мне вообще очень близка, потому что предки мои родом оттуда, там высоко чтят моего родича — выдающегося украинского драматурга и актера Марка Лукича Кропивницкого... Кстати, в музее Шевченко, который я оформляю, есть два бюста Кропивницкого, и мне придется много раз встречаться со своим родственником. Конечно, я к его славе никакого отношения не имею, я даже, к своему стыду, не знаю украинского языка...

А потом наш разговор перешел в сферу человеческих увлечений, они, конечно, не могли миновать Льва Евгеньевича. Я узнал, что он большой знаток русской деревянной и золоченой резьбы, по драгоценностям и медной посуде XVII—XVIII веков. И еще — он собиратель гравюры.

— Каждый собирает то, что его больше привлекает, — рассказывал Лев Евгеньевич. — У меня собрание гравюр распадается на несколько разделов. Первый — это мировая гравю-

“Северная правда” 1974, 1/IX
“Космополис”